

ФРИДРИХ

ХАЙЕК

**ПАГУБНАЯ
САМОНАДЕЯННОСТЬ**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Фридрих фон Хайек

Пагубная самонадеянность

«Издательство АСТ»

1988

УДК 33.01
ББК 65.01

фон Хайек Ф. А.

Пагубная самонадеянность / Ф. А. фон Хайек — «Издательство АСТ», 1988 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-154664-9

Фридрих Август фон Хайек (1899—1992) — один из крупнейших философов и экономистов XX века, лауреат Нобелевской премии по экономике. В книге «Пагубная самонадеянность» Фридрих Август фон Хайек, используя эволюционный подход с точки зрения экономиста, исследует природу, происхождение, отбор и развитие моральных принципов социализма и рыночных отношений. И подводит итог своим размышлениям над губительной природой социалистических идей в XIX и XX веках, а также над причинами, которые сделали неизбежным провал всех проектов построения социалистического общества. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 33.01

ББК 65.01

ISBN 978-5-17-154664-9

© фон Хайек Ф. А., 1988
© Издательство АСТ, 1988

Содержание

Предисловие редактора	6
Пагубная самонадеянность	7
Предисловие	8
Введение	9
Глава первая	13
Биологическая и культурная эволюция	14
Две системы морали, их сотрудничество и конфликт	19
Человек естественный не соответствует расширенному порядку	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Фридрих Хайек

Пагубная самонадеянность

© Ф.А. Наук, 1988

© Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Предисловие редактора

Представленная в настоящей книге работа Хайека «Пагубная самонадеянность» была впервые опубликована в 1988 году как первый том нового издания «Собрания сочинений Ф. А. Хайека».

Читателя не оставят равнодушным живая манера изложения и свежесть аргументов автора, который энергично отстаивает свои позиции по целому ряду вопросов. Интересна и предыстория появления книги. Большую часть жизни Хайек провел в борьбе с социализмом в различных его проявлениях, и в 1978 году, в возрасте почти восьмидесяти лет, задумал дать решающий бой – организовать широкую дискуссию (местом проведения был выбран Париж), встречу признанных ученых – теоретиков социализма и защитников рыночного порядка, чтобы ответить на вопрос: «Был ли социализм ошибкой?» Сторонники рыночного порядка смогли бы привести множество аргументов в пользу того, что социализм изначально являлся глубоко ошибочным учением – в теории, на деле и даже с логической точки зрения. Различные воплощения идей социализма в двадцатом столетии потерпели крах – что, в общем, и есть прямой результат научной несостоятельности социализма.

От этой идеи пришлось отказаться по практическим соображениям. Например, как выбрать оппонентов – сторонников социализма? Сумеют ли сами социалисты договориться о том, кто будет их представлять? И даже если сумеют (что маловероятно), можно ли ожидать, что они согласятся с результатами такой дискуссии? Публичное признание ошибок – дело нелегкое.

Однако коллеги Хайека, с которыми он обсуждал свою идею, не хотели отказываться от нее и предложили ему написать что-то вроде манифеста – изложить основные аргументы в пользу свободного рынка. Краткого манифеста не получилось – появился объемный труд, состоящий из трех частей, после чего все это было сжато в небольшую книгу (или более длинный манифест) – она и представляется на суд читателя.

Рассматривая явления с точки зрения экономиста и используя эволюционный подход, Хайек исследует природу, происхождение, отбор и развитие моральных принципов социализма и рыночного порядка. Он подробно описывает мощь и величайшие возможности, которые предоставляет человечеству «расширенный рыночный порядок» (как он его называет), ставший основой нашей цивилизации и обеспечивающий ее развитие. Как Фрейд в «Недовольстве культурой», Хайек анализирует ее преимущества и недостатки, а также последствия, которые могут возникнуть при разрушении рыночного порядка. Однако приходит к совершенно другим выводам. Вот его заключение: «Хотя действительность сама по себе не может служить основанием для решения, что полагать правильным, неверные представления о разумности, правильности и благе могут изменить действительность и обстоятельства нашего существования, и даже уничтожить (возможно, навсегда) не только индивидуумов – носителей высокой культуры, здания, произведения искусства, города (давно известно, что все это не может противостоять разрушительной силе учений и идеологий), но и традиции, институты и взаимоотношения, без которых подобные творения вряд ли можно создать либо восстановить».

У. У. Бартли III

Пагубная самонадеянность Ошибки социализма

Свобода, или Воля, вовсе не предполагает освобождение от всех ограничений, что, как может показаться, следует из самого значения слова. Смыслом этих понятий скорее является наиболее эффективное применение любого справедливого ограничения ко всем членам свободного общества, будь то чиновник или простой подданный.

Адам Фергюсон

Правила морали не являются заключениями нашего разума.
Дэвид Юм

Разве возможно, чтобы институты, что служат общественному благу и чрезвычайно важны для его развития, возникли без общей воли, направленной на их создание?

Карл Менгер

Предисловие

При работе над этой книгой я придерживался двух правил: первое – не делать постраничных сносок, и второе – все аргументы, не существенные для основных выводов, но представляющие интерес или важные для специалиста, выносить в приложения либо печатать мелким шрифтом. Тогда читатель, при желании, сможет пропустить их без ущерба для понимания аргументации выводов.

Работы, из которых взяты цитаты или на которые имеется ссылка, обозначаются просто именем автора, заключенным в скобки (если имя не следует из контекста), и годом издания работы, иногда с номерами страниц. Полные данные указаны в списке литературы в конце тома. Если использовалось более позднее издание, указываются обе даты, например: 1786/1973 – годы первого и более позднего издания.

Невозможно перечислить всех, кому за время многолетних исследований ученый оказывается обязан – даже если назвать все работы, из которых он почерпнул знания и на основе которых сформировал свое мнение. Еще сложнее составить полный список всех трудов, которые, по мнению автора, следует изучить, чтобы заявить о своей компетентности в такой широкой области, как та, к которой имеет отношение эта книга. Мне представляется непосильной задачей назвать всех, кому обязан лично я, много лет работающий для достижения этой цели. Тем не менее я хочу выразить глубокую благодарность мисс Шарлотте Кьюбитт – моему ассистенту на протяжении всей работы над книгой, без чьей самоотверженной помощи она вряд ли бы увидела свет; а также профессору У. У. Бартли III из Гуверовского института при Стэнфордском университете, который во время моей болезни уже на финальном этапе занялся моей книгой и подготовил ее к печати.

Ф. А. Хайек

Фрайбург-им-Брайсгау

Апрель 1988 г.

Введение

Был ли социализм ошибкой?

Идея социализма и грандиозна, и проста одновременно... В сущности, можно считать ее одним из самых амбициозных порождений человеческого духа... великолепным, дерзким и – совершенно заслуженно – вызывающим восхищение. Если мы хотим спасти мир от варварства, нельзя просто отмахнуться от социализма – необходимо победить его.
Людвиг фон Мизес

В настоящей книге приводятся аргументы в пользу теории о том, что не только возникновение нашей цивилизации, но и сохранение ее зависит от порядка, определяемого как «расширенный порядок человеческого сотрудничества»; чаще его называют «капитализмом», хотя это не совсем верно. Для понимания путей развития цивилизации необходимо осознать, что расширенный порядок не является воплощением человеческого замысла или намерения. Он возник спонтанно, в результате непреднамеренного следования традиционным, а самое главное – моральным правилам. Многие из них люди воспринимают критически, не осознавая их важности и не умея доказать их ценность; тем не менее эти традиции и правила довольно быстро распространились в ходе эволюционного отбора – поскольку увеличивалось население и благосостояние тех групп, которые им следовали. Вынужденное, неохотное и даже болезненное принятие необходимости соблюдать эти правила заставляло такие группы держаться вместе, расширяло возможности доступа к разного рода ценной информации и позволило «плодиться, размножаться, наполнять землю и владеть ею» (Бытие 1:28). Пожалуй, этот аспект человеческой эволюции не получил заслуженной оценки.

У социалистов другое мнение на этот счет. Они не только приходят к совершенно иным заключениям, но и сами факты воспринимают по-другому. То, что социалисты ошибочно судят о фактах, имеет решающее значение для моей дальнейшей аргументации. Я готов признать: если бы точка зрения социалистов о функционировании существующего экономического порядка и о возможных альтернативах ему оказалась бы верной фактически, мы были бы просто обязаны распределять доходы в соответствии с определенными моральными принципами. Для этого необходимо было бы наделить центральную власть правом управлять имеющимися ресурсами – что предполагает отмену индивидуальной собственности на средства производства. Если бы оказалось истиной утверждение, что централизованное управление средствами производства позволит создать коллективный продукт по крайней мере того же объема, как мы производим сейчас, – то действительно пришлось бы решать серьезную проблему распределения этого продукта. Однако дела обстоят иначе. Дело в том, что не существует другого способа – кроме распределения на конкурентном рынке, – чтобы дать понять отдельному человеку, куда ему нужно направить усилия, чтобы внести как можно больший вклад в совокупный продукт.

То есть суть моих доводов такова: спор между защитниками спонтанного расширенного человеческого порядка, созданного конкурентным рынком, с одной стороны, и теми, кто требует наделить центральную власть правом управления человеческим взаимодействием (на основе коллективного управления ресурсами) – с другой, происходит из-за фактической ошибки последних в отношении того, каким образом формируются и используются знания об имеющихся ресурсах. Поскольку данный спор касается фактов, его следует разрешить с помощью научного анализа. Анализ же показывает: следуя спонтанно возникшим моральным традициям (с точки зрения большинства социалистов, «неразумным»), лежащим в основе конкурентного рыночного порядка, мы производим и накапливаем больше знаний и ресурсов, чем

можно получить и использовать в экономике с централизованным управлением, сторонники которой утверждают, что их действия строго «разумны». Таким образом, цели социалистов фактически недостижимы и программы нереализуемы. К тому же они противоречат логике.

Поэтому – вопреки распространенному мнению – проблема заключается вовсе не в разнице интересов или ценностных суждений. Безусловно, вопрос о том, как у людей складываются определенные нормы и ценности и какое влияние они оказывают на развитие нашей цивилизации, – прежде всего фактический. Этому вопросу посвящена данная книга; первые три главы в общих чертах дают на него ответ. Требования социализма не вытекают из традиций, сформировавших расширенный порядок, который и сделал возможным существование цивилизации. Скорее данные требования стремятся уничтожить эти традиции, заменить их «рационально» построенной системой морали, и она достаточно привлекательна – ее обещания отвечают инстинктивным стремлениям человека. Социалисты рассуждают так: раз человечеству удалось *выработать* некую систему правил, которым необходимо подчиняться, то оно вполне способно *придумать* систему получше и поприятнее. Но если цивилизация обязана своим существованием одной конкретной форме поведения с определенными правилами, доказавшей свою эффективность, то у нас просто нет выбора – мы не можем предпочесть другую только потому, что на первый взгляд она кажется более привлекательной. Спор между рыночным порядком и социализмом есть не что иное, как вопрос выживания. Следование социалистической морали означало бы гибель большей части человечества и обнищание основной массы выживших.

И тут возникает важный момент, который я хотел бы сразу прояснить. Да, я выступаю против *высокомерия* разума (ошибка, свойственная социалистам), однако моя аргументация никоим образом не направлена против разума, используемого должным образом. «Разум, используемый должным образом» я понимаю как разум, признающий собственную ограниченность и способный извлечь уроки из установленного экономистами и биологами удивительнейшего факта: порядок, возникший без человеческого замысла, может оказаться гораздо разумнее сознательно изобретенных людьми теорий и программ. Как же я могу критиковать разум, если призываю рассматривать факты и мыслить логически, доказывая несостоятельность теории социализма? Я не оспариваю и того, что можно (осмотрительно и постепенно) направлять разум на изучение, критику и обоснование отказа от традиционных институтов и моральных принципов. Эта книга, как и некоторые из моих предыдущих исследований, направлена против традиционных представлений о разуме, которыми руководствуется социализм. Я считаю, что эти представления существуют вопреки логике и фактам и являются наивной рационалистической теорией, устаревшим и ненаучным подходом; в одной из своих работ я назвал эту теорию «конструктивистским рационализмом» (1973).

Таким образом, я вовсе не отрицаю способности разума совершенствовать нормы и институты и даже настаиваю на том, что он неспособен изменить всю нашу систему морали в направлении «социальной справедливости» (как она понимается в наше время). Однако следует делать это только применительно к каждой части системы. Если же новая мораль претендует на достижение того, чего она достичь не может (например, не может генерировать знания и упорядочивать деятельность людей – подобная задача невыполнима, если следовать правилам и нормам такой морали), тогда этот факт сам по себе становится решающим аргументом против подобной системы. Важно это осознать, поскольку представление «спор идет о ценностях, а не о фактах» не позволило профессиональным исследователям рыночного порядка достаточно убедительно заявить, что социализм просто-напросто не способен выполнить свои обещания.

Из моих рассуждений не следует также делать вывод, что я не разделяю некоторых ценностей, проповедуемых социалистами; но я не верю (и приведу свои аргументы ниже), что широко распространенное понятие «социальной справедливости» описывает какое-то возможное положение дел или вообще имеет смысл. Я также не думаю (в отличие от сторонников

этики гедонизма), что можно принимать решения морального характера просто из соображений максимального предполагаемого удовольствия.

Отправной точкой моей работы могло бы стать вернейшее наблюдение Дэвида Юма: «правила морали... не являются заключениями нашего разума» (Treatise, 1739/1886: II: 235). Замечание Юма будет играть главную роль в этой книге, поскольку из него вытекает основной вопрос, на который я попытаюсь здесь ответить, а именно: *как возникает наша мораль и какие последствия может иметь способ ее возникновения для экономической и политической жизни?*

Если мы утверждаем, что вынуждены сохранять капитализм из-за его превосходной способности использовать рассредоточенные знания, то следует поинтересоваться: как же возник такой незаменимый экономический порядок – особенно если принять во внимание мое заявление о том, что морали и институтам, присущим капитализму, противостоят мощные инстинктивные и рационалистические устремления людей.

В первых трех главах я попытался ответить на этот вопрос, опираясь на давнее утверждение, хорошо известное экономистам: наши ценности и институты являются не просто следствием предшествующих событий, а еще и частью процесса спонтанной самоорганизации некоей структуры или модели. Этот вывод верен не только для экономики – он гораздо шире; на нем строится, например, современная биология. Он явился лишь первым в семействе огромного количества теорий (и число их все множится), описывающих формирование сложных структур как процесс, в котором мы не способны учесть все обстоятельства, являющиеся причинами его конкретных проявлений. Вначале я считал себя чуть ли не единственным, кто взялся изучать эволюционное развитие таких сложных самоподдерживающихся порядков. Однако вскоре появилось огромное количество подобных исследований под разными названиями: аутопоэзис, кибернетика, гомеостаз, спонтанный порядок, самоорганизация, синергетика, теория систем и прочие. Мне удалось внимательно изучить только некоторые из них. И эта книга ручейком вольется в огромный поток, который несомненно приведет к поэтапному развитию эволюционной (но, конечно, не просто неodarвинистской) этики. Она дополнит уже достаточно развитую теорию эволюционной эпистемологии, двигаясь параллельно и в то же время во многом отличаясь от нее.

Хотя в данной книге исследуются некоторые сложные научные и философские вопросы, ее главная задача заключается в том, чтобы доказать: одно из самых влиятельных политических движений нашего времени, социализм, основано на явно ложных предпосылках. Да, это движение исходит из самых благих намерений и во главе его стоят умнейшие люди, однако социализм ставит под угрозу уровень жизни и саму жизнь значительной части человечества. Аргументы приводятся в главах 4–6, где я исследую и доказываю ложность социалистической идеи, идущей вразрез с законами развития и сохранения нашей цивилизации, изложенными в первых трех главах. В главе 7 я рассматриваю наше средство общения – язык, чтобы показать, как его искажает социализм и как осмотрительно нужно им пользоваться, чтобы не попасть в ловушку и не начать мыслить как социалисты. В главе 8 приводится разбор контраргумента, который могли бы выдвинуть и социалисты, и сторонники других теорий: что угроза демографического взрыва перечеркивает мои доводы. Наконец, в главе 9 содержится несколько кратких замечаний о роли религии в развитии наших моральных традиций.

Поскольку теория эволюции играет в этой книге очень важную роль, я должен отметить, что одним из перспективных достижений последних лет стало развитие эволюционной эпистемологии (Campbell, 1977, 1987; Radnitzky & Bartley, 1987). Эта наука позволяет понять, как функционирует и развивается знание (Popper, 1934/1959), а также сложные, спонтанно складывающиеся порядки (Hayek, 1964, 1973, 1976, 1979). Эволюционная эпистемология является разновидностью теории познания; разум и продукты его деятельности описываются в ней как

результаты эволюционного развития. В этой книге я также исследую ряд связанных с этим проблем; несмотря на их важность, они практически не изучались.

Иначе говоря, я считаю, что нам нужна не только эволюционная эпистемология, но и эволюционная теория моральных традиций, в принципе отличная от той, что существует сейчас. Конечно, традиционные правила человеческого взаимодействия, вслед за языком, правом, рынками и деньгами, и были той сферой, где зародилось эволюционное мышление. Последняя опора человеческой гордыни – этика, и эта опора должна пасть, признав свое происхождение. Такая эволюционная теория морали и нравственных устоев действительно появляется. Ее суть заключается в том, что наша мораль является не порождением инстинкта или разума, а отдельной традицией, и находится *«между инстинктом и разумом»*, на что указывает название первой главы. Эта традиция играет огромную роль, позволяя нам решать проблемы и проходить ситуации, где разум бессилён. Наши моральные традиции, как и многие другие аспекты человеческой культуры, развивались одновременно с разумом и вовсе не являлись его продуктом. Каким бы удивительным и парадоксальным ни показалось это утверждение, сила моральных традиций превосходит возможности разума.

Глава первая

Между инстинктом и разумом

Привычка – вторая натура.
Цицерон

Нравственные законы, о которых принято говорить, что они порождены самой природой, порождаются в действительности тем же обычаем.

М. Э. де Монтень

*Но две души живут во мне,
И не в ладах они друг с другом.*
И. В. фон Гёте

Биологическая и культурная эволюция

Древние мыслители не представляли существование упорядоченной человеческой деятельности вне упорядоченного ума. Даже Аристотель, философ относительно позднего времени, полагал, что порядок среди людей сохраняется лишь там, где слышен голос глашатая (*Ethics*, IX, X), а исходя из этого, не может быть и государства с населением в сто тысяч человек. Однако то, что Аристотель считал невозможным, уже существовало в то время, когда он писал эти слова. Ограничивая человеческий порядок пределами слышимости крика глашатая, Аристотель руководствовался инстинктами, а не наблюдениями или размышлениями, – при всех его заслугах как ученого.

Такие убеждения вполне понятны, поскольку человеческие инстинкты сформировались намного раньше и не соответствовали условиям жизни и численности населения эпохи Аристотеля. Они были нормой для небольших первобытных стад, кочующих групп – так род людской, предки современного человечества жили несколько миллионов лет, пока в процессе эволюции не появился биологический вид *homo sapiens*. Инстинкты передавались из поколения в поколение, с их помощью формировалось сотрудничество членов групп – конечно же, это было ограниченное взаимодействие соплеменников, живших бок о бок и доверявших друг другу. У первобытных людей были общие цели, одинаковое понятие об опасностях и возможностях добыть пищу или найти убежище в той среде, где они обитали. Они не просто могли *слышать* своего глашатая – они *знали* его в лицо.

Даже если старейшие члены группы были опытнее и, соответственно, авторитетнее, человеческая деятельность направлялась главным образом общими целями и одинаковым восприятием. Такая координация строилась прежде всего на инстинктах солидарности и альтруизма, проявляясь внутри группы и не распространяясь на «чужих». Малые группы могли вести только коллективный образ жизни: выжить одному было невозможно. Следовательно, первобытный индивидуализм Томаса Гоббса – не более чем миф. Дикари не живут в одиночку, их инстинкт – коллективизм. «Войны всех против всех» никогда не было.

Конечно, если бы мы не жили при том порядке, который есть сегодня, мы бы вряд ли поверили, что подобный уклад вообще возможен, и считали бы сказками любую информацию о нем – не бывает такого, вот и все. Такой уникальный порядок (благодаря которому и существует человечество в его нынешнем виде) складывался в основном под влиянием постепенно вырабатывавшихся правил человеческого поведения (особенно тех, что касаются частной собственности, – честность, конфиденциальность, договор, обмен, торговля, конкуренция, получение прибыли). Эти правила не имеют связи с инстинктом и передаются благодаря традициям, обучению и подражанию; они состоят большей частью из запретов (библейское «не возжелай...»), ограничивающих свободу поступков и решений. Человечество создало цивилизацию, выработав правила и научившись им следовать (сначала внутри племен, а затем и в более широких пределах). Часто запреты касались поступков, диктуемых инстинктом, – правила больше не зависели от общего восприятия. Они, по сути, составили новую и совсем иную мораль (термин «мораль» я бы использовал именно по отношению к ним), которая подавляла или ограничивала «мораль естественную», то есть те инстинкты, которые заставляли небольшую группу держаться вместе и обеспечивали сотрудничество внутри нее, препятствуя ее увеличению.

Я предпочитаю использовать термин «мораль» по отношению к тем неинстинктивным правилам поведения, которые позволили человечеству дорасти до расширенного порядка, – поскольку понятие морали имеет смысл, только если противопоставить ее, с одной стороны, импульсивному и бездумному поведению, и с другой – рациональному намерению получить конкретные результаты. Врожденные рефлексy нельзя назвать «моральными»,

так что явно заблуждаются «социобиологи», когда, описывая их, употребляют такие термины, как «альтруизм» (если следовать их логике, придется считать совокупление самым явным проявлением альтруизма). Альтруизм становится моральной категорией, только если мы утверждаем, что человек *должен* следовать «альтруистическим» побуждениям.

Безусловно, данные термины можно использовать по-разному. Бернард Мандевилль шокировал современников, утверждая, что «зло... является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, служит прочной основой, животворящей силой и опорой всех ремесел и занятий без исключения» (1715/1924). Под «злом» Мандевилль подразумевал как раз то, что правила расширенного порядка противоречат врожденным инстинктам, удерживающим небольшую группу людей вместе.

Если мы считаем моралью не врожденные инстинкты, а усвоенные традиции, то возникает много интересных вопросов по поводу связанных с ними понятий, таких как чувства, эмоции, настроения. Например, даже если моральная норма усвоена, она не обязательно действует как строгое правило, а может проявляться – как и настоящий инстинкт – в виде смутного нежелания или отвращения к определенным действиям. Зачастую нормы помогают нам сделать выбор: какому инстинктивному влечению поддаться, а какое подавить.

Может возникнуть вопрос: каким же образом ограничение инстинктивных побуждений помогает координировать действия большего числа людей. Допустим, постоянное соблюдение заповеди «возлюби ближнего как самого себя» препятствовало бы внедрению расширенного порядка. Ведь тем, кто живет в его рамках, выгодно как раз *не любить* «ближнего своего» и поступать, руководствуясь не солидарностью и альтруизмом, а правилами расширенного порядка (соблюдать договоренности, уважать права собственности). При строгом следовании правилу «относись к ближнему как к самому себе» мало кто мог бы «плодиться и размножаться». Если бы мы, например, откликнулись на все призывы о благотворительности (средства массовой информации засыпают нас ими), то просто не смогли бы заниматься тем, в чем наиболее компетентны. Такая деятельность потребовала бы огромных усилий и, скорее всего, превратила бы нас в орудие определенных групп с собственными интересами или внушила бы нам ложное мнение об относительной важности каких-то отдельных потребностей. Это не излечило бы те социальные болезни, которые нас, по вполне понятным причинам, беспокоят. Точно так же не следует поддаваться инстинкту агрессии к «чужим» – если применять единые абстрактные правила к отношениям между всеми людьми и таким образом преодолевать любые границы, даже границы государств.

То есть формирование надындивидуальных образцов поведения, или систем сотрудничества, требовало от индивидуумов изменения их «естественной» или «инстинктивной» реакции на других людей и, конечно же, вызывало сопротивление. При этом «частные пороки» (по выражению Бернарда Мандевиля), находясь в противоречии с врожденными инстинктами, могут оказаться «общественным благом», и для развития расширенного порядка людям нужно сдерживать некоторые «хорошие» инстинкты. Об этом спорили и позже: например, Руссо принял сторону «природных» инстинктов, а его современник Юм считал, что «столь благородная склонность (щедрость) вместо того, чтобы приспособливать людей к большому обществу, препятствует этому примерно так же, как и самый чистый эгоизм» (1739/1886: II, 270).

Следует подчеркнуть, что ограничения, касающиеся обычаев малой группы, вызывают сильнейшее *неприятие*. Потому что (как мы увидим далее) даже если человек следует запретам всю жизнь, он не понимает и обычно не в состоянии понять, как они действуют и каким образом приносят ему пользу. Вокруг него столько вещей, которые он хотел бы иметь, но ему запрещено их присваивать. Он не понимает, что хорошего в дисциплине, но вынужден ей под-

чиняться – именно запреты не дают ему брать себе то, что кажется привлекательным. Мы очень не любим ограничения, и вряд ли можно сказать, что мы сами выбрали их; скорее они нас выбрали – и позволили нам выжить.

Неслучайно многие абстрактные правила, например те, что касаются личной ответственности и индивидуальной собственности, связаны с экономикой. С момента своего появления экономическая наука изучала вопрос о том, как возникает расширенный порядок человеческого взаимодействия – в результате опробования вариантов, отсева и отбора. Человек не способен ни предвидеть, ни спланировать этот процесс. Адам Смит первым осознал, что те способы организации экономического сотрудничества между людьми, с которыми мы столкнулись, выходят за рамки наших знаний и восприятия. «Невидимую руку» (метафора Смита), возможно, правильнее было бы назвать невидимой или не поддающейся обычному восприятию структурой. Например, как работает система ценообразования при рыночном обмене: мы действуем в обстоятельствах, о которых мало знаем, и получаем непредвиденный результат. Мы занимаемся экономической деятельностью, не зная ни потребностей других людей (которые стараемся удовлетворить), ни источников того, что получаем сами. Почти всегда обслуживаем незнакомых нам людей, иногда даже не подозреваем об их существовании и, в свою очередь, пользуемся услугами других людей, о которых нам также ничего не известно. И это происходит благодаря тому, что наша деятельность встроена в широкие рамки институтов и традиций – экономических, правовых и моральных. Мы входим в эту структуру, подчиняясь определенным правилам поведения. Мы никогда не устанавливали их и никогда не понимали – в том смысле, в котором нам понятен принцип работы вещей, которые мы производим сами.

Современная экономическая наука объясняет, как возникает такой расширенный порядок и почему он, представляя собой всего лишь процесс сбора информации, способен перерабатывать и использовать весьма разрозненные сведения – ни один орган централизованного планирования (не говоря уж об отдельном человеке) не может ни представлять себе весь их объем, ни обладать ими, ни тем более управлять. Человеческое знание рассредоточено – об этом было известно еще Адаму Смиту. Он писал: «Очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель, судить о том, к какому именно виду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей стоимостью» (1776/1976: II, 487). Или, по выражению одного проницательного ученого-экономиста XIX века, предпринимательская деятельность требует «досконального знания тысячи особенностей, которые станет изучать только тот, кто в этом заинтересован» (Bailey, 1840: 3). Институты сбора информации, такие как рынок, позволяют нам использовать это широко рассеянное и плохо поддающееся анализу знание для формирования надындивидуальных моделей поведения. После того как сложились основанные на таких моделях институты и традиции, людям уже не нужно договариваться о какой-то единой цели (как в малой группе), поскольку теперь стало возможным применять широко рассеянные знания и навыки для самых разных целей.

Такое направление развития совершенно очевидно проявляется как в биологии, так и в экономической науке. Даже в мире живых организмов «эволюционные изменения в целом имеют тенденцию к максимальной экономии в использовании ресурсов», и «эволюция, таким образом, “ощупью” движется по пути максимального использования ресурсов» (Howard, 1982: 83). Более того, по справедливому выражению одного современного биолога, «этика является наукой о способах распределения ресурсов» (Hardin, 1980: 3). Все это указывает на тесную связь между эволюцией, биологией и этикой.

«Порядок» (а также ближайшие по смыслу слова: «система», «структура», «модель») – понятие сложное. Следует различать два разных, но взаимосвязанных смысла «порядка». Глагол «упорядочить» или существительное «порядок» могут использоваться для описания *либо*

результатов *умственной* деятельности по систематизации или классификации объектов или событий в различных аспектах в соответствии с нашим чувственным восприятием – то есть как подсказывает нам наш чувственный опыт (Хайек, 1952), *либо* отдельных *материальных* систем, которые предположительно присущи объектам или событиям в определенное время. «Регулярность» (от латинского *regula* – «правило») и «порядок» – это всего лишь обозначение соответственно временного и пространственного проявления одного и того же вида отношений между компонентами.

Учитывая это различие, можно сказать следующее: люди обрели способность создавать упорядоченные материальные структуры, удовлетворяющие их потребности, потому что научились систематизировать (в соответствии с различными принципами, *наложенными* на тот порядок или классификацию, которые диктуются чувствами и инстинктами) чувственные раздражители, поступающие извне. Упорядочивание в смысле классификации объектов и событий – это способ их активной пересистематизации для получения желаемых результатов.

Мы учимся классифицировать объекты главным образом с помощью языка; мы не просто обозначаем знакомые нам виды объектов или событий, но и указываем, какие из них *должны относиться* к тому или иному виду. Из обычаев, нравственных и правовых норм мы узнаём о последствиях различных действий. Например, ценности или цены, формирующиеся при рыночном взаимодействии, оказываются еще одним, также наложенным способом классификации видов действий в соответствии с их значением для порядка, в котором индивид является лишь одним из компонентов единого целого, которое он никогда не создавал.

Разумеется, расширенный порядок возник не сразу. Процесс был долгим (возможно, сотни тысяч лет, а не пять-шесть тысяч) и породил большее разнообразие форм, чем можно было бы предположить, судя только по окончательному результату – существующей мировой цивилизации. Нынешний рыночный порядок является сравнительно поздним образованием. Различные структуры, традиции, институты и другие элементы этого порядка появлялись постепенно как варианты привычных способов поведения. Эти новые правила распространялись не потому, что люди осознавали их большую эффективность или думали, что они приведут к росту населения, а потому, что позволяли тем группам, которые придерживались новых правил, успешнее размножаться и вбирать в себя членов других групп.

То есть эта эволюция происходила вследствие распространения новых моделей поведения через передачу приобретенных привычек – аналогично биологической эволюции, но значительно от нее отличаясь. Ниже я рассмотрю некоторые их сходства и различия. Однако можно сказать, что такой медленный процесс, как биологическая эволюция, не способен изменить врожденные реакции человека за те десять или двадцать тысяч лет, в течение которых развивалась цивилизация; тем более он не успел бы повлиять на гораздо большее число людей, чьи предки присоединились к нему всего несколько столетий назад. Тем не менее, насколько нам известно, все современные цивилизованные группы обладают одинаковой способностью двигаться к цивилизации, воспринимая определенные традиции. Следовательно, цивилизация и культура вряд ли возникают и передаются генетически. Их усваивают через приобщение к традициям.

Самое раннее из известных мне прямых высказываний по этому вопросу принадлежит А. М. Карр-Сондерсу, который написал, что «люди и группы проходят естественный отбор, и критерием являются обычаи и традиции

– точно так же, как кого-то выбирают по умственным и физическим качествам. В постоянной борьбе между группами преимущество имеют те, кто придерживается более полезных обычаев по сравнению с теми, чьи обычаи менее полезны» (1922: 223, 302). Карр-Сондерс, однако, подчеркивал, что обычаи способны также препятствовать росту численности населения. Из более поздних исследований стоит обратить внимание на работы Алланда (1967), Фарба (1968: 13), Симпсона, который считал культуру – в отличие от биологии – «более мощным средством адаптации» (В. Campbell, 1972), Поппера, который утверждал, что «культурная эволюция есть продолжение эволюции генетической, только другими средствами» (Popper and Eccles, 1977: 48), и Дюрама (Chagnon and Irons, 1979: 19), который подчеркивал влияние определенных традиций и обычаев на более успешное воспроизводство.

Постепенное вытеснение врожденных реакций усвоенными правилами все больше отличает человека от других живых существ, хотя склонность к инстинктивным массовым действиям остается одним из природных качеств, которые человек сохранил (Trotter, 1916). Даже животные предки человека приобрели определенные «культурные» традиции еще до того, как стали анатомически современным человеком. Подобные традиции способствуют образованию сообществ у некоторых животных, например птиц, приматов и, возможно, многих других млекопитающих (Wopner, 1980). Однако главным условием превращения животного в человека является именно подавление врожденных реакций, и оно определяется культурой.

Усвоенные правила, которым человек следует по привычке и почти так же бессознательно, как унаследованным инстинктам, все чаще заменяют последние, однако мы не можем четко разделить эти два определяющих фактора поведения из-за их сложной взаимной связи. Нормы, усвоенные с детства, становятся такой же частью нашей личности, как и те, что определяли наше поведение до начала обучения. Менялось даже строение тела человека, потому что эти изменения помогали человеку лучше использовать возможности культурного развития. Для целей настоящего исследования не важно, какая часть абстрактной структуры, которую мы называем разумом, передается генетически и воплощается физически в нашей центральной нервной системе или насколько она служит лишьместилищем для усваиваемых культурных традиций. Как генетический, так и культурный механизм передачи можно назвать традицией. Важно то, что они зачастую вступают в противоречие (мы уже упоминали о том, какие формы это принимает).

Даже то, что некоторые культурные свойства встречаются практически у всех людей, не доказывает, что они передаются генетически. Возможно, существует только один способ соответствовать определенным требованиям для формирования расширенного порядка. Так, крылья являются единственным приспособлением, которое позволяет живым существам летать, но крылья насекомых, птиц и летучих мышей имеют совершенно разное генетическое происхождение. Может быть, точно так же существует и единственный способ развития устной речи, однако то, что всем языкам присущи определенные общие признаки, тоже само по себе не доказывает, что эти признаки передаются генетически.

Две системы морали, их сотрудничество и конфликт

Культурная эволюция и созданная ею цивилизация принесли человечеству дифференциацию, индивидуализацию, увеличение благосостояния и гигантский рост населения; однако все это появлялось постепенно и шло вовсе не гладко. Мы не избавились от наследия того времени, когда люди малых групп знали друг друга в лицо, наши инстинкты не полностью «приспособились» к появившемуся относительно недавно расширенному порядку, и нельзя сказать, что они не представляют для него опасности.

Все же не следует обходить вниманием долговременные преимущества некоторых инстинктов, в том числе их особое свойство заменять один другим (по крайней мере, частично). Например, к тому времени, когда культура начала вытеснять некоторые врожденные модели поведения, генетическая эволюция, скорее всего, уже наделила человеческих индивидуумов разнообразными способностями, гораздо более подходящими для проживания в самых разных экологических нишах, куда проникли люди, – никакие дикие животные на это не способны. Вероятно, так было и до того, как растущее внутригрупповое разделение труда увеличило шансы на выживание определенным группам. Одной из наиболее ценных врожденных способностей, которые помогли вытеснить другие инстинкты, стала способность к обучению, особенно путем подражания. Продление детства и юности, благоприятных для развития этого умения, было, вероятно, последним решающим шагом биологической эволюции.

Структуры расширенного порядка состоят не только из индивидуумов, но также из множества подчиненных порядков (субпорядков), часто накладывающихся друг на друга. Внутри них еще сохраняют определенное значение прежние инстинктивные реакции, такие как солидарность и альтруизм, и это благоприятствует добровольному сотрудничеству, даже если на их основе невозможно построить более широкий порядок. Одна из причин наших нынешних трудностей состоит в том, что мы живем одновременно в разных порядках с разными правилами и нам приходится постоянно приспосабливаться, «корректировать» свою жизнь, мысли и чувства. Если мы будем применять правила микрокосма (т. е. малой группы, например семьи) к макрокосму (всей нашей цивилизации), следуя нашим чувствам и инстинктам, *мы разрушим макрокосм*. Но если перенести правила расширенного порядка на группу близких нам людей, то *мы уничтожим микрокосм*. Нам необходимо научиться жить в двух разных мирах одновременно. Не имеет смысла называть «обществом» ни один из них, ни оба вместе – это может привести к недоразумениям (см. главу 7).

Однако довольно непросто жить одновременно по правилам *двух* разных миров и разграничивать их, несмотря на связанные с этим преимущества. В самом деле, довольно часто наши инстинкты угрожают разрушить всю систему. Можно сказать, что тема этой книги в некотором смысле связана с темой «Недовольства культурой» (1930), хотя выводы Фрейда и мои сильно разнятся. Действительно, противоречие между тем, что диктует инстинкт, и усвоенными правилами, позволившими человечеству увеличить свою численность – вопрос отношения к дисциплине, на которой настаивают «репрессивные или запретительные традиции морали» (по выражению Д. Т. Кэмпбелла), – пожалуй, и есть главный вопрос истории цивилизации. Столкнувшись с «дикарями», Колумб, похоже, сразу понял, что их жизнь больше подходила для удовлетворения врожденных человеческих инстинктов. И, как будет показано ниже, я считаю, что основной источник традиции коллективизма – это атавистическая тоска по жизни «благородного дикаря».

Человек естественный не соответствует расширенному порядку

Не стоит ожидать, что расширенный порядок, противоречащий некоторым из сильнейших человеческих инстинктов, понравится людям или что они ясно представляют себе, что именно он приносит такие желанные для них материальные блага. Этот порядок можно даже назвать «неестественным» в обычном значении этого слова – ведь он не соответствует биологическим свойствам человека. При расширенном порядке большую часть своих добрых дел человек совершает не потому, что добр от природы. Однако называть цивилизацию «искусственной» на этом основании было бы глупо. Она искусственна только в том смысле, в котором искусственны многие наши ценности, язык, творчество и сам человеческий разум: они не заложены в наши биологические структуры генетически. Однако в другом смысле расширенный порядок совершенно естественен: он развивался естественным образом в ходе естественного отбора, как и другие биологические явления (см. Приложение А).

Тем не менее нельзя отрицать – наша повседневная жизнь, а также различные профессии (большой частью) мало отвечают глубинному «альтруистическому» желанию людей творить добро. Наоборот, общепринятые традиции зачастую требуют воздерживаться от того, к чему нас побуждают инстинкты. Конфликтуют не столько эмоции и разум (хотя чаще говорят именно об этом), сколько врожденные инстинкты и усвоенные правила. Однако следование правилам обычно приносит большую пользу сообществу в целом, чем самые прямые проявления «альтруизма» в поступках отдельных людей.

Существует весьма распространенное мнение, что «сотрудничество лучше, чем конкуренция», – и это явное подтверждение слабого понимания принципа рыночного упорядочивания. Сотрудничество, как и солидарность, предполагает значительную степень согласия в отношении целей и методов их достижения. Сотрудничество имеет смысл в малой группе, у членов которой схожие привычки, знания и представления о собственных возможностях. Все это теряет значение, если появляется необходимость адаптироваться к новым обстоятельствам; однако эта же адаптация лежит в основе координации деятельности в расширенном порядке. Конкуренция предполагает открытие чего-то нового, это свойственно любой эволюции. Именно конкуренция заставляет человека (хочет он этого или нет) приспосабливаться к новым ситуациям. Мы работаем все эффективнее благодаря постоянной конкуренции, а вовсе не солидарности.

Конкуренция приносит плоды, когда ее участники соблюдают определенные правила, а не прибегают к физической силе. Лишь общие правила могут сделать расширенный порядок единым целым. (Совместные цели могут способствовать этому только в чрезвычайной ситуации, при общей опасности. «Моральный эквивалент войны» для пробуждения в людях чувства солидарности – всего лишь использование примитивных способов координации.) При спонтанном порядке совершенно необязательно обладать информацией обо всех преследуемых целях и средствах для их достижения. Такой порядок образуется сам собой. Правила, формирующие его, шаг за шагом становились более совершенными, только это происходило не потому, что люди все лучше понимали свои задачи, а потому, что успеха достигали те группы, которые изменяли правила для повышения своей способности к адаптации. Эволюция не развивалась линейно, но двигалась путем проб и ошибок, постоянного «экспериментирования» в областях, где «состязались» разные порядки. Конечно, такие «эксперименты» никто не планировал, но изменение правил поведения, вызванное исторической случайностью (что можно сравнить с генетической мутацией), имело примерно такие же последствия, как при эксперименте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.